

A person with short reddish hair, wearing a light-colored coat, stands with their back to the camera on a path covered in fallen autumn leaves. They are looking out over a vast, hazy mountain range. The sky is a brilliant yellow-orange, suggesting a sunset or sunrise, and numerous red and orange leaves are captured in mid-air, falling from the trees. A large tree with vibrant autumn foliage is on the left, and a dark evergreen is on the right.

Самсон Гелхвидзе

Возвращение (Рассказы)

Самсон Гелхвидзе

Возвращение (Рассказы)

«Автор»

2025

Гелхвидзе С. П.

Возвращение (Рассказы) / С. П. Гелхвидзе — «Автор», 2025

Вновь песнь свою слагают ветры, о невозможности любви на этом бренном свете!

© Гелхвидзе С. П., 2025

© Автор, 2025

Самсон Гелхвидзе

Возвращение (Рассказы)

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

ПОСВЯЩАЕТСЯ:

Светлой памяти моей матери
ЭТЕРИ АЛЕКСАНДРОВНЫ КУРДАДЗЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

(РАССКАЗЫ)

Тбилиси

2004

УДК 882 – 32
Г 31

© Гелхвидзе Самсон Прокофьевич

ISBN 99928 – 0 – 418 – 1

“РАССКАЗЫ МОЛОДОСТИ”
(От автора)

Сборник рассказов “Возвращение”, как и ранее изданные “Торговцы болью”, является составной частью одного большого сборника рассказов, именуемого “Рассказы молодости”, которые были написаны автором в основном за 1984-1998 годы и которые явились его попыткой задержать, хотя бы на одно мгновение, на один миг, стрелой летящее время.

В рассказах сделана попытка передать читателю через своих героев те настроения и чувства, которые мог бы испытать каждый из нас, если бы подобное им уже не было испытано. Ведь каждый человек носит в себе вселенную и, в то же время, сам является мельчайшей частичкой этой вселенной.

И в каждом человеке сидит каждый человек.

Известно – чтобы познать человечество, достаточно познать одного человека, и, наоборот, чтобы познать одного человека, нужно познать человечество.

Часто встречается любимый жанр – “бессюжетные” рассказы, или, как я их называю, рассказы настроений, как попытка подвести читателя к ознакомлению с теми тонкостями и нюансами человеческих чувств и переживаний, которые часто граничат с его глубоко интимными, эзотерическими переживаниями.

Описанные в рассказах сюжеты и истории, как и их герои, часто представляют смесь событий и персонажей, встречающихся нам в реальном, виртуальном, априорном, возможном, воображаемом... и других мирах.

Некоторые читатели считают рассказы автобиографичными. Нет, это неверное видение попытки и желания как можно ближе и явственнее пережить все испытываемые героями чувства.

Но, пожалуй, если говорить о самом главном назначении и цели творчества автора – это та красная нить, которая тянется и пронизывает все – это отношение людей к друг другу и к Богу.

“Жизнь без Бога – ад!” – считает автор и пытается показать в своих рассказах, в какие сложные и далеко неординарные ситуации попадают герои, сбившиеся с единственно верного жизненного пути – тропинки, ведущей к Богу, которая пролегает через Церковь.

Всю свою “сознательную” жизнь мы, люди, ходим по мучительным и изнурительным кругам, придумываем сами себе некий мир, подвергаем себя всевозможным испытаниям и терзаниям, выдумываем разный “новый велосипед”, тогда, как все уже давным-давно изобретено и сказано. “Я – свет миру; кто последует за мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни”(Иоанн, 8, 12), – говорит Господь Бог.

Мы же, люди, часто следуем не за Ним, а друг за другом или вовсе за самими собой, на поводу у своих земных желаний, чувств и страстей. И, как правило, как итог, – часто заходим не туда, куда нужно и необходимо нашей душе для ее спасения и воскрешения. И когда оказываемся в безвыходном положении, тогда начинаем звать на помощь людей, которые часто не в силах нам помочь, а иногда и вовсе не отзываются на наш зов.

Во многих рассказах автора звучит, хотя бы мельком, звон колоколов, призывающих, зовущих героев к себе, в Церковь, к тому единственному спасительному кораблю мирян, который способен вывести их из самых сложных, запутанных и опасных для жизни и здоровья ситуаций.

В нашем сегодняшнем сложном мире человеку нетрудно затеряться и потерять себя и то доброе начало, которое изначально было в него вложено Богом. И в таких случаях очень важно бывает вернуться к самому себе, к своему началу, к своим истокам, и возвращение это возможно только с помощью Бога и Церкви.

В заключение отмечу, что более опытному писателю, возможно, лучше удалось бы сказать и выразить то, что пытался передать я.

Поэтому надеюсь на снисходительность читателей, у которых может возникнуть масса вопросов ко мне, из которых самым главным представляется: “А зачем же в таком случае я пишу?” “Ведь хлеб лучше пекарю выпекать.” На что я могу ответить просто: “Пишу, возможно, не столько потому, что писать умею, а потому, что от этого делаюсь лучше!”

12. 12. 2003

ЛУЧШИЙ НЫРЯЛЬЩИК

Соединяющий тела

Их разлучает вновь,
Но будет жизнь моя светла,
Пока жива любовь.

Н.С.Гумилев

Нугзар неторопливым шагом поднимался по лестнице и рассматривал на стенах следы своего детства. Нет, он был не из тех, кто мальцом пачкал стены. Тогда это ему не нравилось, но сейчас он смотрел на вещи несколько иначе.

Из друзей его детства в городе, в котором все они выросли, почти никого не осталось. Друзья здоровствовали, но переехали жить в другие города.

– Всю жизнь человек доходит до какой-то отметки, после которой предпринимает крутой поворот и начинает все сначала, – с такими мыслями он подошел к почтовому ящику с номером двадцать шесть. Ловко просунул пальцы в верхнюю щель, достал небогатую почту, нагнулся и всмотрелся в дырочки понизу ящика.

Неохотно достал из кармана связку ключей, извлек из ящика ещё два конверта. Подумал: “Не слишком ли богато?” и, не читая адресов отправителей, продолжил свой путь наверх. “Что движет этими неутомимыми, беспокойными людьми?” – размышлял на ходу.

В комнате бросил всю почту на стол и двинулся в ванную – принимать душ.

Душ пришелся ему по душе.

В полурасстегнутом халате, с большим холщовым полотенцем, взлохмаченный, предстал перед собой в высоком зеркале.

Отпив из стаканчика кефира, приблизил к зеркалу лицо, – щеки и нос покрывали морщины. На полуоблысевшей голове впервые заметил седину и почувствовал, как кольнуло в сердце.

Удрученный, он вздохнул и отошел от зеркала.

Устроился поудобней в качалке, принялся разбирать почту.

– “Динамо” начало проигрывать уже у себя на поле и не столь уж именитым командам, – подумал не без грусти, вспоминая, когда в последний раз был на стадионе.

Раньше у него обычно на каждый сезон бывал абонемент, дома стены пестрели таблицами, фиксирующими ход чемпионата. Словом, футбол в нем жил. Да и только ли футбол?..

Быстро пробежав заглавия газет, Нугзар добрался до корреспонденции.

Он уже и забыл, когда получал столько писем.

Первое письмо узнал сразу, оно было послано им самим бабушке знакомого. Сам удивился тому, что к ней он отнесся внимательнее, чем к самому знакомому. Не мог вспомнить причины, забыл, с чего это началось, но переписывался с нею ровно двенадцать лет, причем регулярно. А знакомого простыл и след.

– Жизнь поглотила, – предполагал Нугзар.

Адрес на конверте был перечеркнут крестом, а на обороте конверта значилось: “Адресат скончался в прошлом году”.

Сердце второй раз кольнуло, и заметно сильнее.

– Ну, вот, Нугзар, ты потерял ещё одного друга, – мелькнуло в голове.

Бабушка была уже в возрасте, но Нугзар своих друзей по возрастным категориям не разделял.

Второе письмо было из Союза охотников.

– Наконец-то вспомнили, – подумал он, – небрежно обрывая край конверта. В нем содержалось напоминание об уплате членских взносов.

– Какое безобразие не платить уже четыре года! – досадовал на себя Нугзар. – Нужно будет сдать в Союзохот ружье и вообще закрывать всю лавочку, – прихотям молодости пришел конец.

Нугзар пошел в охотники из-за щенка, которого подарили ему в деревне, шотландского сеттера коричневой окраски по кличке Леди. Собака была ему хорошим другом. Много им довелось испытать за недолгую жизнь Леди. Собаки более умной и чуткой Нугзар не видывал никогда в своей жизни.

Ему несколько раз предлагали других щенков, но он напрочь отказывался. Никак не мог забыть предсмертного взгляда, взгляда с мольбой о помощи.

– Сильнодействующий яд! То, что она еще жива, это – благодаря частичной отрыжке. Это конец, Нугзар, я ничего не могу поделать, ей осталось от силы полчаса,– были слова ветеринарного врача.

Нугзар в последний раз взглянул на Леди.

В горле поднялся ком.

По щеке покатилась слеза.

Собака дрожала в ознобе и изредка слабо повиливала хвостом. Нугзар не забрал ее обратно, он попрощался с ней живой и не хотел ее увидеть другой...

Сквозь открытые незашторенные окна видны были качающиеся на ветру тополя-великаны. Шелест листьев шептал подошедшему к окну Нугзару о том, что было и чего не было за время его отсутствия.

– Я очень устал и не в силах что-либо предпринять,– молча жаловался он своим друзьям, разглядывая их совсем еще нежные, зеленеющие листья.

Он сделал глубокий вдох.

– О весна, ты чарующе прекрасна, твой аромат волнует душу, мне с тобой хорошо. Но скоро покинешь меня и ты. Только я один никого не покидаю,– подумал Нугзар, и тут же в его душу вкрался легкий испуг.

Он вернулся в комнату на звонок телефона. Услышал знакомый и приятный ему голос друга.

– Привет, старина, как жизнь?

– Спасибо, Темо, понемногу.

– Я словно чувствовал, что ты сегодня приедешь, как это тебе удалось?

– Да вот вырвался, соскучился по жене и сыну.

– Такова, брат, семейная жизнь – мотает тебя, невзирая ни на время, ни на километры.

– Помнится, вроде я не жаловался тебе на нее.

– Да что ты, я просто шучу, сам – как волчок... Ты надолго?

– Завтра утром вылетаю обратно.

– Да, маловато, но мне хватит и этого времени.

– Что случилось?

– Помощь твоя нужна позарез, – переменял Темо тон. – Пойми, мне очень неловко перед тобой, но без тебя дело – дрянь...

– Объясни толком, что у тебя стряслось.

– Ну, хорошо! Ты мог бы приехать к нам на базу?

– Прямо сейчас?

– Да, там все и объясню, сейчас времени нет!

– Но,– замялся Нугзар, задумавшись на несколько секунд. – Ну, хорошо,– согласился, зная, что без крайности Темо человека не побеспокоит.

Он еще раз обошел все комнаты в доме. Некое ощущение от всякой встречи с ними не покидало его в детстве и все более обострялось с возрастом.

– Слава богу, хоть есть кому убирать дом,– подумал он и теплая волна прокатилась по его сердцу.

Что же делать с кафелем, отлетевшим почти везде? Кухня, боже мой, на что похожа! Пожелтевшие и полуободранные местами обои свисали со стен.

– Когда и кому все это ремонтировать?!

– Эх, родители! Мы, дети, и предположить не можем, какую ношу вы носите на себе всю жизнь.

В спальне на него взглянули с фотокарточки жена и сын. Он сам их снял прошлым летом на море, когда они приехали навестить его, узнать, как ему работается и живется без них.

Хотя Нугзар считал себя сильным человеком, ему были знакомы чувства, перед которыми нелегко было устоять, и некоторым из них удавалось даже иногда извлекать из глубин его строгих глаз не одну пару слезинок.

Стоя перед шкафом с распахнутыми дверцами, он на минутку задумался, перебирая взглядом свою одежду.

В передней раздался громкий нетерпеливый звонок.

– Иду, иду, – послышался в ответ женский голос.

– На, возьми, пожалуйста, – попросила вошедшая, высвобождая из рук часть сеток с продуктами.

– Фу-у, – протянула она, – думала, отвалятся.

– Здравствуй, бабуля, – радостно поздоровался с ней маленький, лет пяти-шести, внук, естественно, считавший себя уже большим.

– А мне мама купила автомат, тр-тр-тр, – затрещал он игрушечным оружием.

– Ух, ты, какой молодец, иди ко мне, бабушка тебя поцелует.

Внук не брезговал лаской бабушки и всегда с радостью на нее отзывался.

– Где вы так долго, Русудан, я уже начала волноваться.

– Выходной день, мама, рынок забит людьми так, что и не пройти, Кахи чуть не потеряла по дороге.

– Зачем же так надрываться, когда можно попросить отца и он подбросит тебя на машине.

– Ай, ты ведь знаешь его, – ему всегда некогда!

– В этом он тебе не откажет. Ну, ладно, а теперь быстро мыть руки и кушать.

– Что там твой скиталец, не приехал и не позвонил? – спросила мать у Русудан за столом.

– Не знаю, мам, я ничего не знаю.

– А, что тебе знать? Когда еще было не поздно, я тебя обо всем предупреждала.

– Мой Нугзар – он такой чуткий, внимательный...

– А теперь что? На кого стала походить, исхудала вся.

– Мама, я пойду во двор, можно? – попросил Кахи.

Русудан улыбнулась ему в ответ:

– Можно, только ненадолго!

– Пока слушается, – подумала она.

– Ты хоть любишь его, Русудан, теперь?

– Не знаю. Хотя да, наверное.

– А он тебя?

– Говорит, что да.

– Это не любовь, в разезде.

– Мы с ним никак не утратим любви друг друга, – улыбнулась Русудан.

– Не успеет он у нас с Кахи обжиться, как снова в командировку. Иногда мне кажется, что так лучше, человек всегда стремится к тому, чего у него нет. А у него нет нас. Боже, какую я чушь несу!

– И что только дает ему эта работа?!

– Все, кроме нас. Хотя, может, и нас тоже... Акваланги и море – это его беззаветная любовь еще с детства, а с любимыми он никогда не расстанется надолго.

– Мне кажется, он и тебя приучил к своим отлучкам?

– Что ты, мама, к этому приучить нельзя. Я очень устаю от дел, но часто вспоминаю его. Когда устаю, от этого появляется новое дело. Вот так и живем мы с Кахи в ожидание его.

– Раньше, помнится, он ездил очень редко, а сейчас зачастил.

– На хороших специалистов везде большой спрос. Сейчас он собирает материалы для экологов. Подводная жизнь – это интересно, конечно. Знаешь, однажды он взял меня с собою.

– Что ты говоришь?! Этого еще не хватало, чтобы он тебя там утопил!

– Хм, – засмеялась Русудан. – Переселиться бы туда и жить, хотя бы некоторое время, как человек-амфибия. Было бы здорово!

– Женщине в тридцать лет пора распрощаться со своей сентиментальностью. Живи там, где тебя мать родила.

– Мама, не напоминай мне о возрасте, пожалуйста.

– Все равно! Так больше продолжаться не может.

– Что ты предлагаешь?

– Разведись. На что он тебе такой. Всю свою молодость ради него погубила. Молодой жене нужен муж, пусть решает, что ему важнее. Нельзя же так! Прошлый раз вообще на несколько часов появился, только расстроил нас и уехал обратно. Ничего себе номера?! В конце концов может себе и здесь какую-то работу подыскать. Сколько у тебя было поклонников, –

один лучше другого. И что ты в нем нашла? Он же вон на сколько лет старше тебя!

Русудан молча слушала и вспоминала глаза мужа, когда он делал ей предложение. Она тогда почувствовала себя стоящей над некоей бездной. Уловила в них такую мольбу...

– Если бы я не вышла за него замуж, он бы точно помер, – произнесла вполголоса.

– Ого-го, так-таки и помер бы, – ехидно протянула мама. – Это коронный номер мужиков, уж я-то их знаю.

Раньше Русудан закатила бы после таких слов истерику, но сейчас она просто улыбнулась.

– Что ты, мама! Ладно, оставим, пожалуйста, этот разговор...

– Тебе видней, но учти, что живем мы на этом свете однажды. И я, и твой отец не желаем видеть тебя несчастной.

– Я знаю!

Русудан умолкла на минуту. Мама продолжала доедать десерт, яблоко, вздыхая при этом так, словно кто-то пичкал ее им насильно.

– Пойду-ка я взгляну на Кахи! – направилась Русудан через комнату в лоджию.

В комнате она заперлась на ключ и дала волю чувствам. Едва удержанные слезы брызнули фонтаном.

– Господи, за что мне такие муки, ведь я люблю его, люблю, – взмолилась она, падая лицом на кровать. Уткнулась лицом в подушку и долго рыдала, пока полностью не излилась в слезах.

Со стоянки рядом с кафе открывался вид на морскую гладь. Машин стояло больше обычного.

Спускаясь по асфальтированной дороге к спасательной станции, где работал Темо, Нугзар окинул взглядом навес неподалеку, под ним было многолюдно.

Нугзар приостановился. Заметил машину на пароме, недалеко от берега, и копошившихся возле него людей. Сердце защемило уже в третий раз за день. Нужно быть на море новичком, чтобы не догадаться, в чем дело. Ему была непонятна лишь его собственная роль в этом деле. Он вдруг взволновался и быстрым шагом направился к станции.

Заметил уже вышедшего к нему навстречу Темо.

Поздоровались за руку.

– Кто? – едва переводя дыхание, спросил Нугзар.

– Парень, двадцать четыре года.

Словно камень навалился на сердце Нугзара.

Он тяжело вздохнул, вытер выступивший на лбу холодный пот:

– Ну и номер устроил ты мне, дружище!

– Прости меня, я не мог иначе. Вот, погляди, это родственники и близкие погибшего. Они медленным шагом прошли к станции.

Темо все еще извинялся перед другом.

Проходя мимо собравшихся, Нугзар услышал за спиной:

– Это лучший ныряльщик, Нугзар Чедия, я узнал его!

– Привели, наконец!

– Чего ждали до сих пор?

Нугзар уже знал, о чем должен был просить его Темо.

– Как это произошло? – спросил Нугзар.

– Видимо, сердце. Пока не знаем! С девушкой был, хотел, наверное, показаться. Она утверждает, что он умел плавать. Собирались свадьбу на днях играть, – добавил Темо.

Следующие вопросы Нугзар задавал уже из наблюдательного пункта.

– Сколько уже дней?

– Три, – замешкавшись, ответил Темо.

– Что предприняли?

– Все, что было в моих силах: водолазы, шнуры, сейчас вот он, – показал в сторону моря Темо.

– Какого же черта твои люди не следят за лодками до того, как произойдет трагедия?!

– За всем и за каждым не уследишь, сам знаешь, – понурился Темо.

Живые всегда грешны и виноваты перед умершими.

Нугзар заметил в углу комнаты принесенный с пляжа знак с надписью “Ни одной жертвы морю”. Темо заметил взгляд друга. Ему стало еще более неловко. Оба промолчали.

– Место, на которое указала девушка, мы обложили буйками. Прочесали весь район, даже больше, словно сквозь землю, – продолжал объяснять Темо. – Родители плачут, не унимаются, хотя бы труп желают заполучить, странные какие-то. Обещают ни за чем не постоять.

– Человека больше начинают любить и уважать, когда он умирает. Но не умирать же ради этого, черт побери! Однако они меня не интересуют, меня интересуешь ты.

– Нужно закончить это дело! – в лице Темо не было ни кровинки.

– Метеосводка того дня тебе знакома?

– Да.

– Что ты думаешь предпринять?

– Я уже не надеюсь и на этих, хочу попробовать сам. Нугзар, ты меня хорошо знаешь, я не из трусливых, но сейчас разговор не обо мне. Лучше тебя этих мест здесь никто не знает, – выручай!

Нугзар тяжело вздохнул.

– Мимо воронок я тебя проведу, а вот там, где подводное течение, – Темо задумался, всматриваясь в товарища.

Нугзару вспомнилось детство, когда они с Темо ныряли в простых масках с трубкой и ластами, вооруженные сперва подводными ружьями, а впоследствии и подводными фотоаппаратами.

Но с тех пор многое изменилось и в их жизни, и в жизни моря. Море стало иным, и Нугзар знал об этом. Знал и о том, что новое море Темо знакомо более, чем ему, но не мог отказать другу.

– Ну и в историю ты попал, приятель! – пробормотал Нугзар, не прерывая мыслей о деле.

Вскоре катер, нагруженный необходимыми для работ принадлежностями, отчаливал от берега...

Раздался особенно резкий телефонный звонок. Сердце женщины словно сорвалось с высоты.

– Это он, – промелькнуло у нее в голове. Она подскочила с кресла перед включенным телевизором и бросилась на звонок. По пути поскользнулась на тщательно отлакированном полу и упала лицом вперед на колени.

К счастью, успела подставить руки.

– Мама, телефон, междугородний! – успела проговорить.

Мать сняла трубку, услышала мужской голос и тут же увидела поднимающуюся с пола дочь.

Хотела было отложить трубку и броситься на подмогу, но дочь покачала головой в стороны, в знак отказа от помощи. Через несколько секунд сама взяла трубку.

Разговор длился недолго. Русудан отвечала лишь изредка, сухо, отдельными словами: хорошо, понятно...

Симпатичная молодая телефонистка мило улыбалась клиентам, рассылая их по соответствующим переговорным кабинам.

– Что там у тебя, Нино, стряслось? – спросила женщина свою сотрудницу.

– Да нет, ничего, – с изумлением отвечала молодая телефонистка, – просто мужчина, который сейчас ушел, вел себя очень странно. Звонил в город по междугороднему, а потом вышел из кабины и уставился на меня, как баран на новые ворота.

– Ха-ха, – рассмеялась сотрудница, – видно, ты ему очень понравилась.

– Да нет, думаю, здесь посерьезнее было дело.

Нугзар почти не чувствовал качки, лишь тяжелая голова и глухой гул двигателей приковывали его к креслу.

– А, что? Что случилось? – озадаченно спросил он.

– Вам уже лучше, – слышалось в ответ, пока он с трудом различал силуэт стюардессы, – вот выпейте это, – протянулась к нему рука с чашкой.

– Что это?

– Минеральная.

– Спасибо, – поблагодарил Нугзар.

Стюардесса приложила руку ко лбу Нугзара и, улыбнувшись, удалилась в глубь салона.

– Что ей было нужно? – поинтересовался Нугзар у соседки.

– Вы бредили, по-моему, молодой человек, и требовали остановить рейс. Что мне оставалось делать, – возмущенно и взволнованно оправдывалась старушка, сидящая рядом с ним.

– А-а, – произнес Нугзар, видимо, начиная приходить в себя. – Ну, конечно, конечно, вы правильно поступили, спасибо вам!

Старушка рядом, не скрывая явного возмущения, все еще покачивала головой и утыкалась взором в иллюминатор. Нугзар отпил из чашки с минеральной и погрузился в размышления.

Полет воздушного лайнера приближался к концу.

– Стоило ли мне вообще приезжать на этот раз? – думал Нугзар. – С какой целью приехал и с чем еду обратно? Хм, как это народная пословица гласит: ездил дурень в город, что он вез туда, а что – обратно?

У него было несколько часов, чтобы повидать семью, но он ими не воспользовался. Тешил себя надеждой: доработает еще оставшуюся пару месяцев, а потом бросит “дальнюю” работу и навсегда вернется домой. Хоть и не представлял свою жизнь без нее. Или семья, или любимая работа – на сегодня жизнь предлагала ему такой выбор. Но на сегодня он не мог поступиться ни тем, ни другим.

Он пытался проволочь решение вопроса во времени, надеялся, что проблемы, которые не может решить человек, порою решает время.

– И бедняге Темо не помог ничем. И чего я такой невезучий!– досадовал Нугзар.– Всю жизнь крутишься, вертишься, а толком ничего сделать не успеваешь.

Там, куда сейчас направлялся Нугзар, его ждала радостная весть. За кропотливый труд и интересные находки его представили к награде. Но обрадует ли его сейчас то, чем он раньше жил и что радовало когда-то? Он чувствовал, как вместе с ним старели его печаль и его радость. Но начинать жизнь заново, в сорок лет, ему тоже не представлялось возможным и благоразумным.

– Хм,– подумал он,– как там, в этой пословице, сказано: за двумя зайцами погонишься, не поймашь... ни одного или обоих? Что за чертовщина, опять забыл!

Лайнер свободно парил над роскошными пестрыми полянами. На одной из них Нугзар заметил разбегающихся по разным сторонам лошадей, которые, судя по всему, убегали от настигающего их рева двигателей самолета.

С ушибленного колена молодой девушки текла кровь, из глаза одного из пассажиров покатилась слеза, по иллюминатору самолета струились капли росы. Родители девушки негодовали, пилоты, управляющие лайнером, переживали за полет, воздушный лайнер перевозил пассажиров с их проблемами и грехами.

Кому из них сейчас было тяжелее?

Лайнер неожиданно резко нырнул вниз, аж так, что у пассажиров перехватило дыхание, и сразу выправил крен полета.

– Вот кто лучший ныряльщик! – решил один из пассажиров, подумывающий уже о том, чтобы взять этот маневр на вооружение у себя на работе, которая начиналась уже с самого раннего утра.

А вообще-то Нугзар считал лучшими ныряльщиками нырков, на которых они вместе с Темо охотились на катерах в годы юности. За все время охоты им не удалось подстрелить ни одного. Охотничьи ружья их не доставали, а на расстояние выстрела нырки их не подпускали.

Убедившись в тщетности своей затеи, они решили поучиться у них высшей степени профессионализма – нырянию.

Когда нырки исчезали под водой, один из них оставался на катере, а другой нырял за ними в маске с трубкой и в ластах, и там, под водой, наблюдал за их плаванием.

Нырнув, птицы камнем опускались вертикально глубоко вниз, затем чуть-чуть всплывали и, выправляя крен плаванья при помощи клюва, свободно парили в водном пространстве, в течение долгого промежутка времени покоряя километры подводного царства.

Затем всплывали ненадолго на поверхность воды далеко-далеко от того места, где ныряли, и вновь повторяли все по несколько раз за день.

Нугзару теперь приходилось делать то же самое. Он нырял в свою работу и лишь изредка всплывал на поверхность, чтобы повидаться со своей семьей и затем нырял снова.

Лучшие ныряльщики на то и лучшие, что могут долгое время оставаться под водой, что доставляет им достаточно пищи, радостей и удовольствия в жизни.

Люди часто ныряют в жизнь, как и нырки в воду, подолгу оставаясь под ее глубинными толщами и при этом редко выныривают, чтобы увидеть Солнце – Источник Света и Тепла – и глотнуть живительного свежего воздуха.

А выныривать на поверхность, хотя ненадолго, им обоим спасительно необходимо, ибо не только пищей единой они живы.

9. 09. 1984

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Что утеряно нами,

какую вредную оплошность мы совершаем, так,
что сила христианская от нас удаляется,
вся живность из нас уходит, и мы, как
гробы раскрашенные, как пустая скорлупка,
изнутри изъеденная червем?

/Архимандрит Лазарь (Абашидзе)/

Надеясь подавить свой духовный кризис, Отар решил навестить бывшего однокурсника. К своему большому удивлению, застал его дома.

– Такое может случиться в год лишь однажды!– откровенно заметил он, в ответ на что раздалось:

– Когда заходишь однажды в год, конечно, да, Отар!

– Не скажи! Ты вовсе мой адрес позабыл!

Хотя Отару поговорить с другом, перевернуть страницы прошлого, так тесно их связывавшего, было очень приятно, четыре часа беседы все же не принесли ему желанного облегчения.

Такого состояния он давно не испытывал. Не мог с тревогой не замечать, что со временем теряет вкус к окружающему, что все краски смешиваются в один, нелюбимый цвет, что давно как бы замер, притаившись и присматриваясь к окружающему в ожидании чего-то необычного, словно предчувствуя, что жизнь готовит какие-то перемены.

– Когда теряешь одно, то находишь другое,– думал он с надеждой, которой сейчас был обязан жизнью.

– Но Адам и сытым не чувствовал себя полностью удовлетворенным, и тогда-то и встретил Еву, из-за которой впоследствии лишился рая,– неотступно лезли и вызвали раздражение мысли.

После того, что он натерпелся от своей “красавицы”, он остерегался женщин. Считал их пропастями, которые следует обходить, чтобы дойти до некой загадочной и все еще неведомой ему высокой цели.

– Встреча, не утоляющая сполна жажду духовного общения, не оправдывает себя. Даже мешает схожим по характеру людям поддерживать контакты,–полагал Отар, подводя итог разговора с другом.

Еще на бегущем вниз эскалаторе Отар заметил пожилого, лет семидесяти мужчину, который позже попросил указать ему дорогу до нужной станции. Старик оставался попутчиком Отара всего две станции.

Отар не помнил, как разговорился с ним, но помнил его слова.

– Был у врача, выкачали три литра жидкости, но по-прежнему настаивают на операции.

– Раз настаивают, может – нужно?– с жалостью спросил Отар.

– Какое там, двоим из нашего двора сделали, и ни один не выдержал.

– А если будет хуже?

– Куда уж хуже! Жена тоже остерегала, говорила, не соглашайся. А сейчас сама померла.

– Ну, а дети-то хоть у вас есть?–поинтересовался Отар.

– Дети-то есть, дай Бог им здоровья. Только не до нас им – некогда, у них ведь свои семьи, свои заботы. Я им ничего, в сущности, и не говорю.

Старик вел беседу с Отаром нехотя. Сразу было видно, что он болен. Слегка дрожал.

– Может, вас проводить?

– Не надо, сынок, я сам!

Отару и раньше приходилось видеть больных, но старик его озадачил.

– Куда и как он теперь?

Его глаза-большие и измученные – запомнились и не давали покоя.

Пора было возвращаться домой, наутро его ждал новый рабочий день, но он не спешил. Знал, что дома ждет привычная бессоница и куча лекарств от нее.

– Лучше полюбоваться луной, – думал он, прогуливаясь по главному проспекту. Но луны в тот вечер не было видно.

Он флегматично проходил мимо афиш, магазинных витрин, изредка всматривался в ярко мигающие цветные рекламные надписи из люминисцентных ламп. Мечтал, чтобы день не кончался. Но движение по проспекту утихло.

Проходя мимо телефонных автоматов, Отар не удержался. Отыскал монеты, набрал знакомый номер.

Первая монета досталась автомату даром, а вторая соединила его с грубым мужским голосом.

– Вам кого?

– Мне Ирину, если можно, – замялся Отар.

– А кто ее спрашивает?

– А вы кто, собственно, простите? – добавил после некоторой паузы Отар.

– Послушайте, ни один джентльмен не отважится в такой час звонить даме.

– Дай трубку, – послышался в трубке веселый голос Ирины.

– Алло, кто это спрашивает?

Отар немного отошел, услышав знакомый голос.

– Здравствуй, Ира...

– Здравствуйте! – не заставил себя ждать удивленный женский голос.

– Как поживаешь?

– Хорошо. А кто спрашивает? – по-прежнему удивленно спросила Ира.

– Не узнаешь?

– Сергей – нет. Нико, здравствуй! Откуда ты?

– Нет, это не Нико, я – Шалико, – с досадой отозвался Отар.

– Шалико?! – изумилась Ира. – Не знаю такого.

Ира бросила трубку. То же сделал и Отар, но чуть позднее, при этом иронически улыбнувшись.

Он не обижался, хотя и досадовал, что разговор не получился.

– Когда долго не появляешься на сцене, тебя начинают забывать, – подумал Отар.

Всю жизнь нужно играть что-то и во что-то. Иначе ты – никто. Для других, разумеется. Так актеры теряют свои роли.

Тебя забывают даже старые подруги.

Интересно, кто был этот мужчина? Уж не вышла ли она замуж? Если да, то сегодня я заварил ей, наверное, кашу.

Жениться или выйти замуж – значит потеряться, тогда почему же развестись – не значит появиться? Похоже, и тут необратимый процесс. Если А равно В, то это не значит, что В всегда будет равно А. Может, все зависит еще и от С?

В детстве Отар больше всего боялся темноты, но сейчас понял, что в жизни есть вещи и пострашнее. Пробубнил про себя как-то сложенное четверостишие:

Не живи без надежды

И себе не лги,

Одиночество наше

Хуже смерти и тьмы.

И тут же утешился словами Омара Хайяма.

– Хм... лучше одному, чем с кем попало. Не то смотришь порой на человека, вроде бы внешне оставляет нормальное впечатление, а рот откроет, хоть за три-девять земель беги. Нет, пожалуй, Омар Хайям в этом прав.

– Да, оторвавшись от людей, не так-то легко к ним привыкнуть вновь... Тяжко как с ними, так и без них.

– Золотая середина, – ответил ему внутренний голос.

– Знаю, – согласился он и тут же добавил другое четверостишие:

Золотая середина,
Кто подскажет, где она,
Если здесь в сию секунду,
А в другую – где-то там.

– Но если люди, даже самые близкие и родные, рано или поздно оставляют друг друга, не может же человек оставаться совсем один, без некоего высшего присмотра?

Размышляя на ходу, он молча продолжил свой путь.

– В таком большом городе и – никого! Неужели Робинзону было тяжелее? Ясно одно – не легче, – с улыбкой заключил Отар.

Кто рано начинает, тот рано кончает, и ничего тут не поделаешь. Ему казалось сейчас, что он живет так, словно до этого и не жил.

Куда ушло все прежнее, все бывшее, куда?

Перед временем не в силах устоять ничто – даже само время, тем более ни сила, ни любовь. Может, в этом – причина всех несчастий и невзгод? Дело в том, чтобы эта концепция помогала людям жить, а не наоборот, как это часто бывает. Ставила бы их перед пропастью, с условием обязательного продвижения вперед, даже тогда, когда крылья у человека оказываются давно подрезанными.

В таком случае любая другая дорога, кроме как вперед, – обреченность.

Как в той сказке: налево пойдешь – сердце насквозь пробьешь, направо – голову сложишь, прямо – вовсе нет дороги, сзади – смерть летит стрелой, а сквозь землю провалиться не позволяют небеса.

Стоять и ждать? Смешно: чего же? Или, быть может, просто испариться? Но как?!

Ладно, простимся на всякий случай кое с кем и кое с чем, чтоб плоды неблагородства не нависали потом над нами тяжелой тучей.

Размышления помешали Отару заметить идущую навстречу молодую пару.

– Здравствуй, Отар! Слава Богу, хоть на улице встретились.

– Тенгиз? – удивился Отар.

– Ну, конечно! Куда ты исчез? Как сквозь землю провалился? Не навещаешь ни к кому, словно, кроме тебя, никто и не работает.

– А сам-то? – подумал Отар, но промолчал.

– Знакомся, моя супруга. Были с ней в театре.

– Вика, – кивнула головой спутница.

– Очень приятно! Отар! – деликатно отозвался он и полюбопытствовал:

– А в какой театр ходили-то?

– В “Современник”.

– А где это?

– А вот тут, недалеко, пониже главной площади, помнишь, церковь там была. Подремонтировали ее, устроили отличный зал, в общем классно получилось!

– И на свадьбу ко мне не пришел! – сменил вдруг тему разговора Тенгиз. – Правда, ее и не было, как таковой, но ребята все же явились. Отар, что с тобой?

– Да так, ничего особенного.

– Слушай, браток, живи попроще, вот тебе мой совет. Бери пример с других. Учись жить, один раз ведь выпадает нам это, в конце концов. Все работают, как говорится, по зарплате не убиваются, пьют, гуляют, веселятся с подругами, с друзьями. Ну, а ты чего, “горемыка”? Что-нибудь стряслось?

– Нет, ничего, – изменил тон Отар, – просто временное затмение. Ищу выхода из жизненных проблем и ответы на них.

– Так, значит, решаешь очередные вопросы, поставленные жизнью? – улыбнулся Тенгиз.

– Может быть.

– Ну, ладно, Бог с тобой! Разрешай поскорее и возвращайся к нам. Нам тебя очень не хватает. Обещаешь?

– Постараюсь.

– Ну, счастливо тебе, извини, очень спешим. Да, ты помнишь Андрея Эбралидзе?

– Конечно, – припоминая, ответил Отар с испугом.

– Нет уже парня, – с грустью добавил Тенгиз.

– Отчего?^– почти равнодушно спросил Отар.

– Перитонит. Ну, ладно, всего!

– Всего... – пробормотал Отар, провожая уходящую пару взглядом.

– Андрей, Андрей, прости бросившего тебя друга!

Отар пробормотал эти слова почти без боли, почти равнодушно, и от сознания этого помрачнел еще больше.

Воистину: все блага мира сего – лишь утешение смертных.

– Было время, мы с тобою дружили, – припомнил Отар. Но потом пути-дорожки разошлись, как это часто случается в жизни. Ничего не поделаешь, у каждого человека в жизни своя дорога.

К числу своих отрицательных качеств Отар относил, наряду с другими, и то, что никогда не возвращался туда, где был счастлив. Порой он пугался себя – когда земного счастья казалось недостаточно...

То были бессмысленные уже для него духовные рубежи, которых он всего более остерегался, хоть с точки зрения жизненной стратегии они и представлялись весьма удобными. За это он часто себя бранил, но ничего с собой поделать не мог.

Не мог без всякого сожаления не замечать в себе и того, что в последнее время у него пропал интерес к чему бы то ни было. Столько всего вокруг, а все равно – пустота.

Угнетающая пустота безжалостно гнала его к уяснению самого себя, определению своего места в жизни. И пугала его, и наполняла надеждой. Как ветер, дула ему в спину, словно в паруса и нашептывала: иди, иди вперед, смело, пока не отыщешь свою дорогу! Делать что-то, конечно, приходилось, но ни энтузиазма, ни интереса к делаемому не возникало. Скорей, обострялось чувство неудовлетворенности, и он укорял себя за попытку нарушить свой старый принцип: “Не искать выхода из безвыходного положения”.

Только сейчас припомнилось ему некогда знакомое чувство, которое он испытывал подростком, когда родители оставляли его одного – в доме отдыха, за городом, в пионерском лагере. Там бывало весело и хорошо, но загадочная, таинственная грусть, имя которой он тщетно искал всю жизнь, все равно жестоко угнетала его. Он не выдерживал такого “сурового” испытания, и умолял родных забрать его обратно.

Да и сейчас все окружающие его люди как люди, а он среди них будто белая ворона. Вроде как не от мира сего. Поиски еще не открывшихся ему тайн, которые предстояло постичь, мучали и изводили его. Он чувствовал себя словно перед своим вторым рождением.

– Плоды дурного воспитания?! Если таковое и имеется, то лишь вина самого воспитуемого. Ребенок должен научиться думать сам, ему самому нужно отличать плохое от хорошего, – думал он, вспоминая прошлое.

Откуда в человеке столько меланхолии? Она накапливает в нем губительную желчь, без которой он не может жить и которая в то же время его так бесцеремонно и безжалостно угнетает.

Сколько же тайн скрывают в себе глубины человеческой личности, не видимые снаружи!

Оказывается, чтоб погубить человека, вовсе необязательно подрубать ему крылья, отрезать конечности, язык, затыкать уши, рот, выкалывать глаза... Достаточно оторвать его от корней, истоков.

– Если мы – пришельцы с небес, то, может быть, разлука с нашей истинной родиной и есть причина наших переживаний, – подумал он вдруг.

Как все просто!

А что, если причина всего этого – время?! Оно безжалостно ко всему живому на земле. В последнее время ему кажется, что скорость его протекания возросла в нем чуть не в два раза.

– В два раза, если не больше, – повторил Отар.

Это походило на закат во время восхода.

Отар взглянул на пасмурное ночное небо:

– Значит, ты предоставило мне жизнь взаймы, сжалилось надо мной, как однажды над Лилиан Ремарка? Ну, что же, скажу тебе спасибо только из чувства такта. Ты ведь наделило меня разумом не только ради того, чтоб я мыслил, но и, наверное, чтоб мысли привели меня к открытию чего-то самого главного и важного в моей жизни?

Ты можешь и не отвечать, любой ответ твой не облегчит моей участи.

Жизнь, укороченная вдвое... Разве она вдвойне красивей? Сделала бы людей благородней и красивее жизнь на земле, укороченная вдвое, втрое? Или погубила бы их вдвойне, втройне? Стал бы от этого человек быстрее думать, передвигаться и раньше приходить к своей цели? Какой смысл в сознании и в мыслительном даре человека, если они не приведут его к цели – к истине. Истина... я чувствую ее, но не вижу.

Мне всего лишь двадцать шесть. Боже, как доживают люди до семидесяти, восьмидесяти, причем умудряются еще не сойти с ума? Хотя частично это им все же удается.

Он уже не желал и думать, но мысли упорно одолевали его. Не хотел смотреть, но упрямые глаза почти все кругом видели и запоминали. Не желал идти домой, но что-то толкало его вперед. Наконец, сопротивляясь себе, он попытался отмахнуться, но руки не слушались его... Под утро, с первым щебетом птиц и скрежетом трамваев, выезжающих из парка, Отар возвращался домой.

Мимо него проехали поливальная и мусорная машины.

Давно позабывшееся дыхание свежей росы с газонов и первые лучи наступившего утра вселяли в него бодрость и крохотную надежду на предстоящий день. Даже солнце умудрилось, преодолевая толщу густых тяжелых облаков, выглянуть на несколько минут из заточения, чтоб пригреть пробудившуюся веру человека.

Все во времени, но где оно?

– А может быть, уповать на время и приписывать ему все беды так же безрассудно и нелепо, как и совсем забывать о нем? – мелькнуло у Отара. – Значит, вся суть в человеке и в том, как он ко всему случающемуся относится?

Значит, есть надежда, хоть какая-то, на будущее, хоть оно невидимо и скрыто?

Он проходил мимо бани, двери которой радушно принимали и провожали посетителей. Стаи голубей теснились на ее крыше, слетаясь на продолжительные передышки между дальними перелетами.

– Хм, поговаривают, что здесь раньше была красивая церковь, а теперь – на тебе...

Два рыболова настигли и легко обогнали Отара, о чем-то нетерпеливо и весело переговариваясь между собой.

Счастливейшее лиц Отару видеть не приходилось.

– Наивные,– подумал он,– сумасшедшие, в такую погоду, но счастливые,– добавил он с доброй завистью.

Сейчас ему очень хотелось спать.

Когда он подходил к своему дому, в окне у себя заметил свет.

– Что это, оставил включенным или у меня гости?

Вставив ключ в замочную скважину, прежде чем открыть дверь, задумался на минуту:

– От самообмана я однажды уже убежал, и не вернусь к нему уже никогда.

14 .09. 1988

ДЕЛА КУРОРТНЫЕ

Люди – как реки ...

Все в человеческой душе

Течет, все изменяется.

Старая мудрость

Большая стрелка часов перемахнула за двенадцать.

– Пора, – послышалось в зале.

Двухстворчатые двери распахнулись, и люди, почти организованно, направились в зал. Они проходили сквозь ряды столиков, словно грибы, разбросанных по “поляне” с крышею, удерживавшейся массивными колоннами, словно вековыми дубовыми стволами.

Каждый направлялся к своему столику.

Молодые девушки-официантки уже давно копошились на кухне, уставляя блюдами и украшая, словно новогоднюю елку игрушками, свои двухэтажные передвижные коляски.

Так у них начинался каждый рабочий день. Их каждодневному энтузиазму можно было только позавидовать, и, пожалуй, единственной наградой для них оказывалось “спасибо” от стола. Но случалось порою и по-иному: дежурному приходилось разбирать заявления отдыхающих. Попадались замечания и этим девушкам в белых передниках.

Они, словно жонглеры в цирке, обращались с кухонной утварью, за время от “подайте, пожалуйста, это” с одного стола до “принесите мне, пожалуйста”, – с другого.

Но, увы, этого никто в этот обычный рабочий день не видел и не замечал так явно, как Мария Михайловна – дежурная по залу. Да и кому до этого было дело, у всех были свои планы на день и свои заботы.

– Молодцы мои девчата!– с радостью думала Мария Михайловна, глядя, как те управляют.

Одни уходят, их сменяют другие, и так каждый день, а девчатам работа все веселей.

Что ни говори, а гармонь все-таки вдохновляет. Работаем в ожидании конца смены, когда приходят гармонист и учитель пения, и тогда-то уж изливаем душу,– просматривала Мария Михайловна журнал посетителей.

– Столик шесть – двое, семь – трое... одиннадцать – четверо. Многие уехали, но скоро приедут другие. Ничего не поделаешь, каждый встречает Новый год по своим возможностям, и не каждому одинаково радостно его приближение.

Перед новогодней ночью за столиками и в самом деле поредело, но от этого работы стало не меньше.

Все расселись, устроились. Мария Михайловна обошла отдыхающих, расспросила о здоровье, о том, как им живется у них.

– Как поживают мои девочки?– улыбаясь, спросила, задержавшись ненадолго возле шестого столика.– Как вам отдыхается? Насчет меню нет ли замечаний?

– У вас все чудно, Мария Михайловна, спасибо вам большое за внимание,– с ответной любезностью отвечали Надежда Николаевна и Клавдия Петровна.

Ну, а кроме обмена любезностями, им было чем поделиться друг с дружкой. И советы, и дельные предложения и, даже секреты. Женщины, даже незнакомые, всегда находят, о чем поговорить, причем делают это порой с таким рвением, что трудно бывает определить срок давности их знакомства.

Красота и тяга к общению, пусть даже к банальному, – это то, чего не смогла отнять у них вся история существования человека на земле.

– Клава, кто эти деликатные люди? – обратилась Надежда к сидящей рядом подруге, указывая на своих соседей за столиком семь.

– Муж и жена, – ответила Клавдия,– муж – художник, а она, кажется, в органах печати работает.

– Ты с ними знакома?

– В принципе нет, так, слышала, о них в холле рассказывали.

– Хм, о ком здесь только не рассказывают. Наверное, и о нас с тобой, Клава?

– Наверное. Ой, да пусть болтают, что угодно, мне от этого ни холодно, ни жарко.

Надежда потянулась за бутылочкой с подсолнечным маслом.

– Подсолнух – лучшее желчегонное средство, Клава. Тебе это известно?

Клавдия промолчала. Откусывая кусочки хлеба, она водила глазами по залу.

– Неужели ты и впрямь думаешь встретить его здесь?– осведомилась Надежда, подливая масло в салат из свеклы, моркови и капусты с картошкой.

– Не исключено.

– По-моему, он все же должен быть в зале рядом.

– Может быть,– вздохнула Клавдия.

– Ешь, Клава, ешь, чего ты одним хлебом питаешься? Фигура у тебя неплохая, но столько хлеба...

– Не хочется что-то кашки, подожду второго. Зря мы с тобой вчера объелись салом, Надежда.

– Ничего, на танцах с ним все утрясешь.

– Да нет, печень что-то ноет.

– Ну, выпей пока хотя бы теплого чая. Может, принести шиповника?

– Да нет, не надо, пройдет!

В зале слышался ритмичный и негромкий шум: постукивание стульев об пол, звуки падения ножей и вилок и какие-то непонятные слова от соседних столов.

– Вообще-то на вид – весьма интеллектуальные и интересные люди...

– Ты о ком?– спросила Клавдия.

– О соседях,– указала в очередной раз Надежда на столик с номером семь.

– А-а,-протянула Клавдия.

– Сколько им, примерно, будет лет, интересно?

– Они, наверное, старше нас лет на десять, возможно, что им и чуть больше – этак за шестьдесят...

– Знаешь, они всегда приходят очень рано и почти каждый раз решают все новые и новые кроссворды. Причем видно, что муж делает это нехотя, а жена то и дело донимает его своими вопросами, на которые не всегда получает удовлетворительные ответы. На его лице всегда удивительное спокойствие и загадочный флегматизм.

– Он живет только благодаря ей. Видно, давно уже махнул рукой на свою жизнь. Люди говорили, что она его вырвала из лап смерти. Вот и сейчас уговорила его приехать на Минводы. Вот это любовь, да, Надежда?

– Любовь преданная, что соседствует с любовью красивой и деловой, – вздохнула Надежда.

– А какая любовь была у тебя, Клавдия?

– Ах, да какая там любовь, когда муж напивается и размахивает кулаками. Не зря все-таки я с ним развелась. Лучше ужасный конец, чем ужас без конца.

– Ну, а в начале хоть она была?

– Была, раз у нас есть Алена. Бедняга, и ей с мужем не повезло, – добавила Клавдия после короткой паузы.

– Не расстраивайся, Клава, мужчины все одинаковые, разве что некоторые... Но разве сразу поймешь?.

– А как у тебя сложилась жизнь в этом плане?

Клавдия успела заметить, как слезинка со щеки подружки угодила прямо в стакан с чаем. Она положила руку на рукав Надежды.

– Надежда, что ты? Прости, пожалуйста, если обидела, я этого не хотела.

– Ничего, – едва слышно произнесла Надежда, разыскивая в сумочке носовой платок.

Люди длинным потоком выходили из столовой через узкую дверь, расходились в разные стороны.

Двое мужчин в голубых спортивных костюмах, с непрозрачными целлофановыми сумками в руках стояли в стороне от выхода, с любопытством разглядывали выходящую толпу.

– С добрым утром, Клава, – позвал высокий худощавый мужчина в спортивном костюме.

– Ой, Гена, привет! – радостно отозвалась Клавдия, быстрым шагом подходя к ожидавшим.

– Это мой друг, Слава, познакомьтесь!

– Очень приятно, – поздоровалась Клавдия с незнакомцем за руку.

– Мне также, – со сдержанной улыбкой ответил Вячеслав.

– Надежда к нам не подойдет? – спросил Геннадий.

– Как же, – подозвала Клавдия к себе подружку.

– Ну, вот, все хорошо, теперь мы все знакомы, – заметил не без радости Гена.

– Куда ты вчера запропастился? – назойливо спросила Клава.

– Клавочка, не суди меня, пожалуйста, ЧП. Лучше скажите, что вы сегодня делаете?

– Что, опять что-нибудь дельное? – поинтересовалась Клава.

– Ага, культурно-развлекательная программа. Сегодня в семь в Доме культуры танцы.

Мы были бы очень рады увидеть вас там.

Клавдия взглянула на подружку. Надежда едва заметно покачала головой.

– Да, сегодня ничего не получится, к сожалению, – пояснила Клавдия.

– Ну, почему, Клавочка?

– ЧП.

– А завтра? – спросил Гена вслед уходящим собеседницам.

– Поживем, увидим, – пообещала Клава.

– Ну, погодите, хоть немного поговорим.

– Некогда, на процедуры опаздываем.

– Вот чудные, ни одной ошибки не простят, непременно ответят тем же, – расстроился Гена.

– Ладно, Слава, пошли и мы.

– Ничего себе, кавалеры, – жаловалась Клавдия Надежде, – рады были бы увидеть. Что им, пару рубликов жалко, не могут пригласить по-человечески?

Надежда всю дорогу, пока не разошлись, молчала, лишь выслушивая рассказы подруги о ее новых знакомых.

Вечером в фойе здравницы было сравнительно тихо, но многолюдно.

Одни смотрели телевизор, другие играли в домино, шахматы, а кто и отдыхал у себя, хотя последних было очень мало.

Надежда Николаевна сидела на своей убранной кровати и под светом настольника перелистывала время от времени страницы истрепанной книги, обернутой в газету.

Вдруг ей послышался знакомый голос, затем смех. Смех продолжался долго, несколько минут с непродолжительными перерывами.

– Хм, ничего себе больная,– продолжила Надежда читать книгу.

Раздался стук, затем скрип открывающейся двери и все тот же знакомый веселый голос.

– Заходите, ребята, посидим немного,– приглашала Клавдия гостей.

Надежда успела отложить книгу и приподняться с кровати.

– Добрый вечер, Надежда Николаевна, нам без вас было скучно,– заметил Гена.

– Что вы говорите? Извините, но я не могла этого предусмотреть,– съехидничала Надежда Николаевна.

На мгновение возникла пауза.

– Да!– произнес Гена.– Ну, ладно, мы пойдем, Клавушка, мы действительно не вовремя, досвиданья.

– Досвиданья, – не поспешила ответить Надежда Николаевна.

Клавдия Петровна долго неподвижно смотрела на захлопнувшуюся дверь.

– Извини, Клава, если испортила тебе вечер.

Клавдия Петровна поставила небольшие чашечки обратно в шкаф.

– Ребята хотели выпить с нами бутылку шампанского... всего навсего А ты их прогнала.

Надежда молча вздохнула, уткнувшись в книгу.

– Надя, ну на что это похоже, скажи мне, пожалуйста. Как ты себя ведешь? Неужто не начиталась за всю жизнь, что каждый вечер ни на минуту не расстаешься с этой проклятой книгой. Встань и посмотри, как ты себя загнала.

Надежда оторвала голову от книги, взглянула на Клавдию.

– Какое тебе до меня дело? Как хочу, так и живу, и не тебе учить, как мне жить.

– А-а!.. – протянула Клава.– Не понравилось. Сколько же ты проживешь еще так, как ты думаешь?! Или надеешься со своими болячками дотянуть до глубокой старости?

Спор постепенно переходил в крики.

– Клава, прекрати сейчас же.

– Нет, раз уж я начала, то доскажу до конца. Хочешь знать, что о тебе говорят?

– Меня это абсолютно не интересует.

– А ты все-таки послушай. О тебе говорят, что ты уже не женщина, что мужчины тебя, следовательно, вовсе не интересуют.

– Замолчи, дрянь! – вскрикнула Надежда и наградила подругу пощечиной.

– Сама дрянь! – хлопнула Клава подругу подушкой по голове так, что она отлетела почти к противоположной стене.

Надежда Николаевна отвернулась и заплакала. На некоторое время воцарилась тишина.

– Ой, Наденька,– расслабилась Клавдия,– прости меня, пожалуйста, прости меня.

Клавдия Петровна подбежала к подруге, опустилась на пол, помогла ей подняться.

Усевшись на кровати, они смотрели друг дружке в заплаканные глаза, а затем, обнявшись, зарыдали вместе.

Наплакавшись, продолжали всхлипывать и извиняться друг перед другом, вытирая покрасневшие глаза.

– Куда же ты ходила сегодня одна, дурочка?– спросила наконец Клавдия.

– Звонила домой, с сыном разговаривала, – ответила все еще не успокоившаяся Надежда.

– Надя, что у тебя там, исповедуйся, – посоветовала Клава.

– Теперь уже нет смысла молчать. В прошлом году я в который уже раз за последнее время уложила мужа в больницу. Астма замучила беднягу, и видно было, что постепенно он начал сдавать. Знаешь, не силы у него были на исходе, а подводило желание помочь самому себе.

В тот день, когда я в последний раз повидала его в палате, он был такой веселый, сравнительно свежо выглядел, шутил.

Врачи хотели устроить ему пенсию, но он отнекивался, говорил, что они не успеют. Он оказался прав. В тот день я его, оказывается, видела в последний раз,– вздохнула Надежда,– кто бы мог знать! Он сбежал из больницы и исчез.

Вот уже больше года, как мы никак его не найдем.

Где только не искали, что только не предпринимали, все безуспешно. Столько средств, нервов и времени ухлопали.

Свою судьбу определил, но хотя бы обо мне с сыном подумал, – снова заплакала Надежда. – Кто теперь я, вдова, не вдова? Жить ли, не жить, и как?!

Долго, почти всю ночь, подруги провели вместе в слезах и продолжительных разговорах. Под утро силы их стали иссякать, клонило ко сну.

– Хватит, Надежда, томить себя и терзаться. Ты любила его и сделала все, что могла. Ну, что ты изменишь слезами? – Ничего! Поживи немного для себя. Не останется он один, не волнуйся. Во-вторых, глядишь, и когда-нибудь объявится.

– Ты думаешь?

– Конечно, все может быть!

– Нет,– покачала головой Надежда, – столько времени прошло!

– Жизнь тебе сама подскажет, что делать дальше,– успокаивала ее Клава.

Шли дни, и подруги постепенно свыкались с жизнью в санатории. Хотя морозец по утрам не радовал, зато тепло людей обогревало души.

– С добрым утром, мои хорошие,– поздоровалась Мария Михайловна,– как отдыхается? Так, сегодня у нас испортилась одна печь, и мы вам меняем меню. Вот, пожалуйста,– протянула она двойной печатный листок.

– Это меню на весь день?– спросила Клавдия.

– Нет, я думаю, к полудню мастера печь исправят.

– Ну, что будешь заказывать, Клава?

– А что выбрала ты?

– Блинчики с творогом.

– Тогда мне тоже блинчики с творогом.

– Вот и хорошо, заказ принят,– отошла от их столика Мария Михайловна. Да, девочки, я тут двоих ещё к вам подсадила – сын и мать, думаю, поладите.

Надежда кивнула головой.

– Клава, ты любишь блинчики с творогом?

– Так себе,– ответила Клава.

– Я тоже не особенно.

– Хм, зачем же заказывала?

– Муж их обожал. Помню ещё в свадебном пичкал меня ими. Станным был каким-то в ту пору. Был уверен: что нравилось ему, должно было понравиться и его молодой жене. Хотя за время нашей совместной жизни ему все-таки удалось склонить меня к блинчикам. А мой Вовка их не ест.

– Какой он у тебя, Вовочка?

– Большой уже, женился, но тоже со странностями. Почему-то ему не нравится все, что я для него покупаю. Неужели я стала такой уж старомодной, Клава?

Клавдия улыбнулась в ответ.

– Спрашивает: мамочка, тебе нравится это? Если отвечаю положительно, он предлагает мне носить это самой.

Надежда, улыбаясь, слегка покачала головой.

– Похоже, наши новые соседи по столу идут, – заметила Клавдия.

Надежда моментально перевела взгляд на них.

Молодой человек лет тридцати, среднего роста, с прямыми волосами и удлиненным лицом, в джинсовых брюках и куртке, сопровождал пожилую, лет шестидесяти мать.

– А он вовсе не дурен собой, – вполголоса вырвалось у Клавдии.

– Здравствуйте, – поздоровалась первой дама, подходя к столу и отодвигая стул, – разрешите?

– Здравствуйте, – сухо проронил и сын.

Первый день знакомства прошел мрачно. Каждая пара ограничивалась разговорами между собой.

Но понемногу Алексей, как представился молодой человек, и его мама, Пелагея Андреевна, находили общий язык со своими новыми знакомыми, и за столом порой завязывалась обоюдно интересная и веселая беседа.

Тон задавала Пелагея, вороша веселые страницы своего прошлого. Восхищение слушателей не всегда удерживалось одинаково прочно.

– Ну, ты даешь, Пелагея Андреевна? – то и дело покатывалась Надежда.

– А помнишь, Клава, мы волновались, думали, не повезло, – обращалась Надежда к подруге.

Пожалуй, из всех четверых наибольшие неудобства испытывал Алексей, пониманию которого были недоступны многие детали в беседе женщин. К тому же рассказы матери ему приходилось слышать уже неоднократно. Но он не мог не заметить, что в новой аранжировке оригинальность их возрастала вдвое. Возможно, она кое в чем и перебарщивала.

Благодарные слушатели не оставались в долгу. Официально объявив Алексея своим человеком, делились с Пелагеей сокровенными секретами жизни на курорте. Учились у Пелагеи регулировать свои провалы и взлеты в зародившихся курортных, как они называли, романах.

Было еще много встреч и интересных для женщин бесед до минут прощания друг с другом, не обошедшегося, конечно же, без поцелуев.

Клавдия Петровна добродушно и дружески, как сына, целовала Алешу.

– Прощай, Алеша, счастливо тебе! Слушайся маму, славная она у тебя. Короче говоря, всего хорошего, – расточала пожелания Надежда Николаевна, – ну, а мужчин я вообще не целую, не обижайся.

Случилось так, что Пелагея Андреевна и Алексей уехали раньше, хотя и приехали позже Надежды Николаевны и Клавдии Петровны.

В жизни часто действуют законы информационных стеков, когда пришедший последним уходит первым. Ладно, если это происходит только в хороших аспектах.

Теперь уже Клавдии Петровне приходилось оборвать свой отпуск и возвращаться домой раньше Надежды Николаевны при том, что приехала она позже. Такое решение вынудил ее принять недавний телефонный разговор с дочерью, и она была убеждена, что ее материнское сердце не допустит ошибки.

– За Аленкой присмотреть надо, – поясняла Клавдия Петровна, – там один парень подъезжает к ней, а он мне так не нравится.

– Молодые сами разберутся, Клава, не вмешивайся,– попробовала удержать ее Надежда Николаевна.

– Да, как же! Мы все в молодости думаем, что прекрасно разбираемся во всех жизненных вопросах и не нуждаемся в помощи, даже родительской, хотя бы в советах, однако...

– Да,– подтвердила Надежда Николаевна,– если бы молодость знала, если бы старость могла...

– Все мужики подонки, их надо давить, как клопов,– вскрикнула Клавдия Петровна с подступившими к глазам слезами, крутанула большим пальцем и прошлась ногтем по столу так, как если бы ей уже довелось осуществлять обещанное.

– Клава, что ты?– ошеломленная, едва выговорила Надежда Николаевна.

– У них только одно на уме!– расплакалась подружке “в рубашку” Клавдия Петровна.

– Ну-ну-ну,– утешительно похлопывала ее по плечу Надежда Николаевна.– Не волнуйся, у Алены все будет хорошо!

– Сейчас я не об этом,– пробормотала Клавдия Петровна.

Надежда Николаевна помялась, вопросительно посмотрела на подругу.

– Прости, Надя, ты была права, а я дура, что тебя не послушалась.

Удивление Надежды Николаевны росло с каждым словом подруги.

– Просто вся жизнь прошла без большой любви. А ее так хочется! Так больно и страшно, что умрешь и не успеешь ее испытать, хоть ненадолго, хоть чуть-чуть. Мотаешься без устали по жизни, мотаешься, и только и думаешь – встретить бы ее, пусть даже сгоришь в ней. И ради этого, Господи, прости меня, ничем не жаль поступиться – ни честью, ни благополучием, ни даже жизнью.

Клавдия Петровна расплакалась уже на полную катушку.

Надежде Николаевне едва удавалось удерживать ее порыв. Она чувствовала, с какой силой билось ее сердце, и боялась, что вот-вот оно выпрыгнет из груди.

– К черту честь, жизнь, здоровье и все на свете,– рыдала Клавдия Петровна,– любовь, настоящая большая любовь, где же ты, где, отзовись! Господи, помоги мне ее найти и не убей до этого.

– Ладно тебе, Клава,– утешала ее Надежда Николаевна, – ты ищешь то, чего не существует на свете.

Клавдия Петровна неожиданно умолкла.

– Ты что это, серьезно?– спросила она сквозь слезы.

Надежда Николаевна утвердительно кивнула головой.

– Да, но как же без этого жить, Надюша?

– Как живем,– пояснила Надежда Николаевна.

Страсти потихоньку улеглись.

– Ну, ладно, что еще у тебя там стряслось?– спросила Надежда Николаевна.

Клавдия Петровна молча понурилась.

– Это тебя твой красавчик обидел?

Последовал легкий подтверждающий кивок.

– Не скажи!.. У вас что-то было?– всплеснула руками Надежда Николаевна.

Движение головы повторилось после паузы.

– Что?– возмутилась Надежда Николаевна.– Ты с ума сошла? Когда? Мы же почти все время были вместе?

– Много ли нужно времени...

– Ну, погоди! Я ему устрою,– в гнев бросила Надежда Николаевна, порываясь лететь к обидчику.

– Погоди, Надя, дело не в нем,– теперь уже приходилось успокаивать ее.

– То есть как это?

– Я сама, первая... и не жалею об этом. Даже сейчас.

– Тогда какого же черта...

– То есть не к нему потянуло, а к той любви, какую, показалось, я наконец-то встретила.

– Где он сейчас, интересно?

– Уехал!

– То есть как уехал?

– Вот так вот, взял и уехал! Неожиданно, тайком, не попрощавшись.

– Да, но ведь он приехал гораздо позже нас. Вроде так?

Клавдия Петровна склонила в знак согласия голову.

– А между тем обещал, что проводит, что обменяемся адресами, что будем переписываться, что пригласит меня к себе и что даже подумывает о том, как связать со мною свою жизнь. Он же тоже представился разведенным.

– Подонок! – заключила Надежда Николаевна.

Подруги долго еще обсуждали проделки знакомого красавчика.

Через несколько дней Клавдии Петровне устроили роскошные проводы. Только исходили они не от того, от кого она мечтала. Прощальное застолье устроили Надежда Николаевна и Мария Михайловна с ее девичьей свитой.

– Все равно мне удалось выхватить у жизни минуты счастья, которые могут и не повториться, – утешала себя в душе Клавдия Петровна, и уже через час прощально помахивала подружкам рукой из-за большого окна отъезжающего комфортабельного автобуса.

А еще через несколько дней то же Мария Михайловна обещала устроить и Надежде Николаевне, но та напрочь отказалась от нескромных проводов, ограничившись теплыми словами благодарности хозяйке столовой.

– Алло, Вовочка, ну как вы там, – громко спрашивала по телефону Надежда Николаевна.

Разговор устроили по заказной связи из кабинета администратора.

– Ничего, ма, как ты?

– Все хорошо, вылетаю через несколько часов, буду к полудню. Слышишь?

– Слышу, мам, слышу, мы тебя встретим.

В аэропорту проходила регистрация на полет по объявленному рейсу.

– Гражданочка, вы – Надежда Николаевна? – разлетелся молодой человек в форме сотрудника аэропорта.

– Да-да, – удивленно протянула Надежда Николаевна.

– Пройдемте, пожалуйста с нами на досмотр.

Двое сотрудников проводили ее в отдельную комнату. Усадили в удобное кресло, перед широким столом с полированной поверхностью, оставили одну, попросив минуточку подождать.

– Здравствуйте, Надежда Николаевна, – услышала она вдруг знакомый голос из-за спины.

– Здравствуйте, – отозвалась она, поднялась с места и обернулась. – Вячеслав? – выронила удивленно. – Что вы тут делаете?

– То же, что и вы.

– Что все это значит?

– Ничего, прошу вас, сядьте и выслушайте меня.

– Нет уж, это вы меня выслушайте! Или вы меня тотчас же отсюда выпустите, или я позову милицию.

– Вам ее звать не придется, потому что я и есть милиция, – рассмеялся Вячеслав и представил удостоверение.

– Ну, хорошо, что вам угодно?

– Надежда Николаевна, можно на ты? Так будет проще!

– Власть в ваших руках, – покорно потупилась женщина.

– Надя, поверьте, я и не думал вас задерживать. Просто я работаю здесь, случайно увидел вас и...

Вячеслав помялся.

– Ну смелее, смелее, что же это вы смутились? Не забывайте, где вы работаете!

– Хорошо, я буду прям и откровенен.

– Уж извольте.

– Мне так неудобно об этом говорить, но...

– Ну давайте же, не то мой самолет улетит.

– Он не улетит без вас, я позаботился об этом.

– Что? Это уже становится интересно. Господи, что это за приключения?

– Ладно, так и быть. Думаю, вам известно о романе вашей подруги Клавдии Петровны и...

– Вашего Генки, – не дала договорить Надежда Николаевна.

– Геннадия Алексеевича, – уточнил Вячеслав.

– Ну, и...

– Знаете, у них поначалу все так здорово складывалось! Я даже завидовал им по-хорошему.

– Что вы говорите? – с иронией бросила Надежда Николаевна.

– Да, представьте себе!

– Ну, и что же произошло дальше? – взяла на себя роль допрашивающей Надежда Николаевна.

– Вы можете не верить, но сперва у Геннадия Алексеевича пропали золотые часы, потом понемногу стали пропадать деньги. Кто бы мог это сделать, кроме меня и вашей подруги? Только мы находились рядом с ним.

Надежда Николаевна растерянно глядела на собеседника.

– Вы думаете?

– Да.

– Вам лучше об этом знать!

– Ну, так вот, когда деньги у него почти вышли – естественно, у него были кое-какие расходы, – он мне раскрылся. И хоть и верил мне, но какое-то подозрение в нем я все же чувствовал. Оно, думаю, прошло, когда я ему дал денег на дорогу домой, и даже больше, чем требовалось. Хоть он и обещал мне их выслать сразу по приезде домой, но разговор сейчас не об этом. Эта сумма для меня, человека, работающего здесь, в этой должности, ничего не значит. Думаю, вы понимаете меня.

– Да уж, конечно. Я готова заплатить вдвое больше, чтобы вы меня поскорей выпустили. Между беседующими возникла пауза.

Надежда Николаевна уловила большую обиду, нанесенную собеседнику.

Вячеслав нажал кнопку и вызвал дежурного.

– Слушаю вас, Вячеслав Григорьевич, – отчеканил молодой человек в штатском.

– Проводите даму к выходу на посадку в самолет по перрону под номером один.

– Слушаюсь, – отозвался на команду молодой человек.

– Постойте, Вячеслав, – смущенно бросила Надежда Николаевна, – простите меня, я вас незаслуженно обидела. Признаюсь, вы меня озадачили.

– Я хотел спросить у вас: Клавдия Петровна вам об этом ничего не говорила? Или, может быть, вы сами что-нибудь заметили или почувствовали?

– Да нет! Правда, говорила, что нужно помочь дочери, но у нее нет возможности. Вот и все!

– Да вы не подумайте, что я расследую это дело по долгу службы. Геннадий Алексеевич категорически попросил меня не делать этого. Но просто, знаете, чисто спортивный интерес, как говорится. Может, чашечку кофе? – неожиданно предложил Вячеслав Григорьевич.

– Пожалуй, если вы за вылет отвечаете.

Вячеслав Григорьевич улыбнулся.

Разговор между собеседниками продлился еще минут двадцать. Собеседники, казалось, состязались друг с другом в том, кто кого больше шокирует и удивит.

– Если хотите, вот моя визитка! Может, она вам еще на что-нибудь сгодится,– улыбаясь, протянул Вячеслав Григорьевич красиво оформленную картонную визитку.

Надежда Николаевна с улыбкой взяла ее и направилась к выходу на перрон, где ждала специально подогнанная иномарка, чтоб доставить ее до трапа авиалайнера, задерживавшегося, по объявлению, – по техническим причинам.

Она приоткрыла дверцу иномарки и обернулась. Взгляды встретились.

Она вдруг закрыла дверцу автомашины и пошла обратно, словно забыла что-то сказать.

Он шел ей навстречу.

– Вы что-то забыли?– спросил он, приблизившись.

– Да. – Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

Он обнял ее радушно и пристально взгляделся в глаза.

– Прошу вас, не думайте о нас так плохо,– попросил он.

– О ком это о вас? О милиционерах?

– Нет, о мужчинах! У женщин слишком превратное о нас мнение, но мы, в сущности, такие же, как и вы.

– Господи, Вячеслав, что это такое вы говорите?!– едва удерживая смех, пробормотала Надежда Николаевна.

Вячеслав Григорьевич схватился за голову и попытался оправдаться.

– Вы знаете, Надя, я только хотел сказать, что мы, люди, не имеем права думать друг о друге плохо независимо от того, каких людей приходилось встречать. Не должны даже смотреть на них через призму своих взглядов и своего мировоззрения. Надо просто помнить, что человек – Божье творение и Бог относится к каждому с такой любовью, с какой мы относимся к нашему творцу.

– Вот и познакомились,– шепнула она на ухо ему, опуская в его наружный карман свою визитку. Она еще раз наградила его поцелуем, в другую щеку, и то и дело оборачиваясь, бегом ринулась к машине, бросая на прощанье:

– А я думала, что в милиции только милиционеры работают!

Авиалайнер долго выезжал на взлетную полосу, потом остановился, потом вдруг разбежался, быстрее, быстрее, пока не взмыл, словно большая стальная птица, набирая постепенно и скорость, и высоту.

Белая легковушка ловко объезжала догоняющие автомашины, дружелюбно подмигивая им левым “глазом”.

– Вова, ты можешь помедленнее? Ну, как вы там, рассказывай,– попросил водителя женский голос.

Вова включился в разговор, не отрывая пристального взгляда от растилающейся перед ним автотрассы.

Надежда Николаевна погрузилась в воспоминания о недалеком прошлом, не пропуская при этом ничего важного из сообщений сына.

Она раскрыла сумочку, достала оттуда маленькое зеркальце и долго в него смотрелась.

– Мама, ты меня слушаешь?– поинтересовался Вова.

– Да, конечно, продолжай,– отозвалась Надежда Николаевна.

Она слегка подмазала губы помадой и губами же равномерно распределила ее, но от зеркальца взгляда не отрывала.

– Хм, как интересно,– наплывали воспоминания,– то, что не удалось ему по желанию и по дружбе, то удалось по службе. А что, если это был просто повод познакомиться поближе,– мелькнуло у нее вдруг в голове. Довольно-таки оригинально, в таком случае.

– Мама, ты это о ком?– словно подслушав, спросил ее сын, направляя салонное зеркало так, чтобы можно было видеть свою мать на заднем сиденье.

– Да так, просто, ни о ком.

– Так вот...– продолжил свой рассказ Вова.

Надежда Николаевна усердно копалась в сумочке, словно пыталась отыскать что-то очень ей нужное.

Под руку ей вдруг попал клочок бумаги, на котором она с легкостью разобрала адрес Клавдии Петровны. Отыскала и визитку Вячеслава Григорьевича.

– Интересно, кому из них можно и нужно верить – Клаве, Генке, Славке или себе? Кто из нас лжет, а кто говорит правду?

– Надо верить Богу, мама, – словно читая ее мысли и включаясь в ее размышления, ответил Вова,– ибо всякий человек лжив и суетен.

Надежда Николаевна неторопливо сложила листок бумаги вдвое, изорвала его на отдельные кусочки и выбросила их через опущенное стекло автомашины.

Вова внимательно наблюдал за ней в зеркало. Поразмыслив, она так же поступила и с визиткой Вячеслава Григорьевича.

– Что ты там рвешь и выкидываешь в окошко, мама? – поинтересовался Вова, улыбаясь.

– Да так, ничего,– ответила Надежда Николаевна, – дела курортные.

– А-а...– протянул Вова,– курортные? Ну, как ты там, не познакомилась ни с кем? Не попался интересный человек на твой крючок?

– Что за глупости ты говоришь, Вова! Следи лучше за дорогой, а твой отец...

– Отец, отец! Его, наверное, уже нет, мама, надо смотреть правде в глаза, какой бы тяжелой она ни была.

Надежда Николаевна пожалела о том, что нагнала грусть на сына, и, желая изменить тему разговора, допустила вторую ошибку:

– Зря ты все-таки сынок на Маринке женился, она девочка больная, много возни у тебя будет из-за нее.

– Мама, – предупредительно выговорил Вова, – я люблю ее, во-первых, а во-вторых, какое уже время говорить об этом!

Уже в городе Надежда Николаевна бросила взгляд и не могла оторвать его от Церкви на главной площади.

– Служба восстановилась!– воскликнула она, заметив входящих и выходящих прихожан.

– А она и не прекращалась. Ремонт ремонтом, а служба службой.

– Как хорошо,– подумала Надежда Николаевна,– надо будет привести себя в порядок, а вечером исповедаться и заодно причаститься после курортных дел.

– В нашей жизни, мама, добро и зло так перемешались, что только церковь их и может теперь разделить. В погоне и в поисках правды люди так часто забывают об Истине.

– Может, я все-таки поспешила повыбрасывать адреса?– с досадой подумала Надежда Николаевна.

– Нет, мама, нет,– словно угадывая ее мысли и в продолжение своего рассказа,– отозвался Вова, – обратной дороги нет, есть дорога только вперед, в церковь и домой. Теперь нам куда?– остановил он машину на развилке.

– Прямо!– уверенно скомандовала Надежда Николаевна.

После скромно встреченного Нового года и празднования Рождества, Надежда Николаевна получила две поздравительные открытки. Она их ожидала от Клавы и Вячеслава, а получила от Марии Михайловны и Пелагеи Андреевны.

– Не надо мучить себя лишними размышлениями о своих будущих планах в жизни, – подумала Надежда Николаевна, – жизнь сама подсказывает человеку, в каком направлении надо двигаться.

Марина и Вовочка уже ожидали ребенка и завладели помыслами Надежды Николаевны.

– Свято место пусто долго не бывает, – думала она. Как увидят человека освобожденного, сразу прибегут и поглотят. Кто? Да каждый! Охотников на эту радость хоть отбавляй. Только достается человек – жертвой, и лишь тому, кто посильнее и побыстрее. Кто раньше добежит до тебя.

10. 1990

ДОСУГ “СИМУЛЯНТА”

Чайки кружили высоко над рекою, парили под мрачным зимним небом. Кругами продвигались навстречу друг дружке.

– Интересно, ведают ли они, что на Земле ничто не вечно? – думал сутулый молодой человек в старом твидовом пиджаке, наблюдая у окна полет белых птиц в воздухе.

Сохранить крылья до будущего лета, может быть, удастся только удачливым.

Конец осени не сулил теплой зимы, как часто бывало в этом городе.

– Дожить до будущего лета! Неужто они понимают это, или живут, не ведая себя, просторы неба беспрестанно бороздя?

– Разве забота их лишь корм да семья? – все стоял у окна и с чувством сострадания поглядывал на беспомощных птиц Тамаз.

– Ну, почему же они парят, не махая крыльями, лишь по небольшому, словно заколдованному, кругу, – недоумевал он. Будто ненастоящие... Или, может быть, по-другому они летать не умеют? Или и впрямь отупели? Почему бы и нет, если такое свойственно даже людям...

Сейчас Тамаз испытывал именно такое состояние. И виной тому был не предстоящий отпуск, а затянувшееся до сегодняшнего дня поступление оборудования.

Работы в управлении было много, у него, естественно, тоже, но он явно тянул, не засиживался за работой, словно делать совсем было нечего.

– Черт знает что, – злился он на себя, – сорвал отпуск, рвался сюда, а здесь вот что творится, просто безобразие. И никому нет дела. Каждый делает только свое, защищает лишь свой престиж и свои интересы, а что до общего: ай, да ну их!

Прижмет с планом, тогда и закопошатся. Я, в конце концов, человек маленький, всего какой-то вшивый инженеришка, только недавно окончил институт, – урезонивал себя Тамаз. – Но моя совесть чиста. Видит Бог, я делал и делаю все, что было и есть в моих силах.

Паршивцы и сами бездельничают и нам не позволяют нос во что-нибудь сунуть, словно мы запутаем что или не разберемся. Тупеешь, конечно, когда ничего не делаешь, но и когда делаешь то, что не по душе, не до конца по правде, и не полностью по твоим возможностям. Неужели это так непонятно?

Зачем же губить специалистов и тормозить прогресс, убей, не пойму!

Он негодовал, отчаивался, и всякий раз дело кончалось тем, что лишь торопливо выполнял неотложное, да и то, кстати, не всегда сполна и высококачественно.

Последнее происходило не по его вине, это знал лишь он сам и лишь некоторые, что работали и общались непосредственно с ним.

Виновным он себя отчасти все же считал, и постепенно в его сознании утвердился статус работника неполноценного, что-то до конца не понимающего и не улавливающего, впрочем, не только в профессиональной области.

Все это подавляло его оптимизм и высокий духовный настрой первых лет.

И так постоянно, почти всю жизнь: желание хоть что-нибудь и как-нибудь изменить в лучшую сторону на работе или в быту то разгоралось в буйное пламя, то затухало в легкую хрупкую мечту.

Всякий раз дело кончалось тем, что он оставался на прежних позициях рядового инженера, которому суждено тянуть лямку, словно расплачиваясь за свои мучения, терпение и лже-радости, усеивающие весь пройденный им путь до точки, достигнутой сегодня.

Единственным утешением было доверие и моральная поддержка главного инженера, который хотя и замечал ошибки и промахи в работе молодого специалиста, но с надеждой смотрел на него, нет-нет да и поручая самые “горячие точки” дела.

Но сейчас главный инженер был в отъезде, а мнение Тамаза мало кого занимало.

С первых же дней Тамаз почувствовал себя в кабальной зависимости и понемногу снижал. Способствовали этому и усилившиеся дисциплинарные меры, требование безукоризненно расписывать поминутное местонахождение.

Излишние формальности сказывались на нем пагубно. Он не смел возражать, не мог не отмечать в себе нарастающего негодования, постоянного раздражения, чувства некоей неприятности, переходящего в изнурительную и продолжительную скуку, в ощущение тяжелого затягивающегося болотного пласта под собой.

Силы таяли, он чувствовал это как никто другой. И не только ожидание, а уже и видимость конца моральной и духовной жизни сокрушали его, высвобождали неведомые доселе заградительные, защитные резервы.

Он метался, как зверь в клетке, из одной стороны в другую, все более убеждался в том, что помощи ждать неоткуда и что единственно правильный выбор – ожидание и смирение с участью. Но к беде добавлялось то, что и эта констатация не утверждалась надолго в его сознании. Забывая о сделанном на днях выводе, он начинал все сначала. Разница была лишь в том, что интервалы между каждым “сначала” все удлинялись, и он это осознавал.

Глубокая обездоленность и ошеломляющая пустота все больше и больше сковывали его цепями, все чаще диктовали свои условия жизни.

Боль не столько за свою беспомощность, сколько за реальность происходящего надолго овладевала им, терзая измученную душу.

Помнилось, как после окончания учебы ему то и дело мерещилось, что он идет вдоль непреодолимой высокой и длинной стены, с надеждой ищет в ней спасительную дверь или хоть крохотную лазейку, чтоб проникнув сквозь эту толщу каменных плит, навсегда откинуть и освободиться от своих пороков, промахов и поражений, выйти из серости и темноты в ясный Свет.

С каждым разом он двигался медленнее и медленнее, падал, вновь подымался, снова шел и вновь падал. Поглаживал обеими руками полугладкую поверхность стены, словно надеясь обнаружить наименее прочное место, с тем, чтобы его проломить. Но все было безуспешно.

Ему казалось, что это длилось долго, всю жизнь, вечность, и он измотался морально настолько, что был уверен: ни за что не пройдет даже сквозь золотые ворота в стене, кто бы его ни просил, кто бы ни умолял. Он привык падать, а потом подыматься и идти, и снова падать. Другой жизни он не ведал и ведать уже не желал.

И только теперь догадывался, что со многими рядом с ним происходит такое же, и он никогда не понимал причину их халатности и распушенности так ясно, как сейчас. Но от этого ему не делалось лучше.

Вечером, после ужина, Тамаз почувствовал утомление с еще большей силой.

– Прошло вот уже более двух недель, как я вернулся из отпуска, а Гиви так и ни разу и не заглянул, – думал он с грустью. – Обижается, наверное. Но за что? Проходит каждый день, по пути на работу и обратно, мимо моего дома, а мне нужно специально выкраивать время, чтоб навестить его. Подумаешь, какой гордый, а может, у меня гордости и побольше...

Он отпил последний глоток горячего чая, поблагодарил маму за ужин.

– Нет, нельзя так думать, черт побери, может что-то с парнем случилось. Придется зайти!

Преодолевая утомление и вялость, влез в плащ, поворошил рукой волосы, посмотрел на себя в зеркало.

– Я, мам, пошел гулять. Возможно, приду не скоро...

– Счастливого тебе. Конечно, гуляй себе, пока молодой! Что со старой матерью дома сидеть.

Ему не раз приходилось отчитываться перед мамой.

Он в бессильном отчаянии махнул рукой и вышел, громко захлопнув дверь.

Идти к Гиви предстояло по крутому узкому подъему.

Такой темноты здесь Тамаз никогда не помнил.

– Многое, конечно же, пришлось Гиви перенести. Я всегда делал для него все, что мог, и никакого намека на упрек, все от чистого сердца.

Сейчас, когда Гиви ремонтировал свой новый дом, ему, как никогда, нужна была поддержка друга. Походило на то, что Тамаз отвернулся от него.

– Черт бы его побрал! Дай Бог увидеть его сейчас в здравии, но ему порой свойственно никого и ничего не видеть, кроме самого себя, Как будто в мире существует только один побитый жизнью Гиви.

Подъем Тамаз миновал сравнительно легко, без одышки.

– Вот это да! – подумалось ему. Отпуск хоть и треплет частично нервы, но дело свое делает, – заключил он.

Сворачивая вправо от подъема, Тамаз заметил кое-где тусклые огоньки.

На одной из таких улиц, припомнилось ему, его однажды ограбили. Его, тогда школьника, двое, вооруженных пистолетом и ножом хулиганов, которым досталась лишь ушанка и потрепанный бумажный рубль. Но в моральном плане Тамаз понес убытки куда более значимые. Это “поражение” в детстве, хоть и от неравных сил, наложило на него свой отпечаток: постоянное сознание беспомощности, обобщенный взгляд на людей, исповедание принципа “Вооруженный злодей – злодей вдвойне”...

Осторожно открыв узкие двери, Тамаз не без смущения вошел во дворик высокого двухэтажного дома, правая часть которого еще не ожила после происшедшего в нем четыре года тому назад пожара.

Семье, в которой жил Гиви, принадлежала именно эта часть здания. Все это время они ютились на первом этаже, в кухне, она служила им одновременно приемной, парадной. Правда, Гиви в последнее время перебрался наверх, где от “экзотики” полуопаленных бревен и досок над головой защемило бы сердце любого, случайно попавшего сюда искреннего человека.

Тамаз пошел на свет и не ошибся. Сквозь застекленную дверь разглядел своего друга. Тот сидел на тахте в голубой спортивной форме, подтянув под плечо правое колено. Взгляд его был устремлен в развернутую газету. Он был дома один.

Тамаз почувствовал, как по телу его прошло успокоительное тепло.

– Жив-здоров, паршивец, – ласково подумал он и легонько постучал в стекло. – Гиви, – удивленно окинул взглядом дверь и наполовину приоткрыл ее.

– А-а, – протянул он, – симулянт пришел! А я все не захожу, думаю, может, надумаешь сам.

Друзья обнялись.

Минуло уже более двух месяцев, как они не виделись. Такое в их жизни, начиная со школьной скамьи, произошло впервые. Оба чувствовали, как охлаждаются чувства людей, когда их не подпитывают хоть редкими встречами.

С первых же слов забылись все обиды, наладился разговор. Больше говорил Гиви, рассказывал о наиболее трудных моментах в те два месяца, что они были вне поля зрения друг друга, словно лишний раз укоряя Тамаза за равнодушие.

Тамаз молча слушал, испытывая некоторое сожаление об участии друга.

– Ну, а теперь рассказывай, как дела у тебя,– попросил наконец Гиви.

Тамаз чувствовал, что друг излился весь, ничего не сокрыв в душе, и за это был благодарен ему.

– Как отдохнул, как съездил?

– Как обычно, немного измотался, конечно.

– Надеюсь, здоров?

– Разумеется, вполне! Как твои?– отвел он дальнейшие расспросы.

– Ничего, нормально...

Вскоре пришла мать Гиви, с радостным удивлением приветствовала гостя:

– Что так долго не заходил?

Тамаз заметил, что о тонких трансформациях взаимоотношений его с другом она и не подозревала.

Проговорили в крохотной, душной кухоньке более двух часов.

Наконец Тамаз извинился, поднялся с места.

Провожая друга через дворик, Гиви на вопрос Тамаза, работает ли телевизор, ответил несколько странно.

– Да что там смотреть, все так наскучило!

Скуку испытывал иной раз и Тамаз, но телевизора в роли источника скуки он себе еще не представлял.

И тут-то в него вкралось подозрение, что Гиви рассказал далеко не обо всем, что его постигло.

Он не удержался и выложил-таки другу то, что решил “железно” не говорить никому:

– Пришлось, Гиви, немало испытать и мне!

– Что именно?

– Двоюродного брата, приехав, застал в тяжелом состоянии. На работе со второго этажа упал.

– Ух, ты!

– А до отъезда с сестрой было то же самое, что, помнишь, с твоей. Измучилась и изрядно напугала вас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.